

XIX века, Розанов конституирует субъектный тип критики («Три момента в развитии русской критики», 1892–1899), в центре внимания которого – внутреннее ядро личности, «живая личность», «богоподобный человек», которого невозможно объяснить внешней связью с прошлым и будущим – это лишь средство, но не цель. Личность сама раскрывает «тайны души своей», если к ней подойти «с любовью и интересом» Розанов устанавливает двусубъектную, диалогическую, живую, органическую, онтологическую модель критики, в которой идея не подавляет живого впечатления.

Новое освещение Пушкина определяется личностью и творчеством самого Розанова. В культуре второй половины XIX века (в литературе, в частности) мы наблюдаем движение от теоретизма, искусственности, порождающих культурный кризис, к органичности, живой личности – движение, которое завершает Розанов. В явлении Розанова произошел принципиальный культурный сдвиг, смена теоретической парадигмы на органическую, онтологическую, личностную что проявляется и на уровне жанровой формы (движение от дискурсивной философии к художественно-философской прозе – органической эссеистике и праэссеистике «опавших листьев»). Таким образом, если мы посмотрим на культуру в ее перспективе, то увидим, что в ее поле Розанов и Пушкин совмещаются в точках культурного сдвига, пограничья (рубежи веков). И эта удивительно близкая историко-культурная типологичность и делает розановское понимание Пушкина конгениальным: протеестичным, лаконичным, простым и прозрачным в своей глубине.

Розанов завершает восприятие Пушкина в XIX веке и открывает новую в культурном смысле страницу – пушкинистику XX века, закладывает ее основы, из которых сознательно и бессознательно будут исходить, их продолжать Блок, Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пришвин, Федотов и многие другие.

© Г.Л. Медведева
Тюмень

«ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ФИЛОСОФИЯ ПОСТУПКА ПРИМИРЕНИЯ

Одним из кульминационных событий в духовной жизни русской интеллигенции 70-80 гг. XX века явилась Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, которая была произнесена им 8 июня 1880 г. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, а затем опубликована в «Дневнике писателя».

Кризис культуры, по словам М. Бахтина, наступает тогда, когда «в пространстве и времени часть и целое связаны лишь внешней связью, и не пронизаны внутренним единством смысла, когда отсутствует связующее звено личности и двусторонней нравственной ответственности мира жизни и мира культуры» (Бахтин М. Работы 20-

х годов). Лучшим «индикатором» той культурной атмосферы было непонимание и отрицание Пушкина.

Пушкинская речь Достоевского – это открытие Пушкина, а значит, и познание, в котором обязательное стремление к истине не выводится из гносеологии, а «переживается «единым актом», не в психологическом смысле, а в категориях «живого переживающего сознания»: «Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопроникнутость культуры и жизни <...> Мысль как поступок цельна и смысловое содержание ее и факт конкретного исторического свершения не раздельны в оценке ее как «моего ответственного поступка»» (Бахтин М. К философии поступка). На манеру Достоевского развивать мысль обратил внимание М.М. Бахтин, заметив, что «даже построение его (Достоевского) публицистических статей не убеждает, а сопрягает смысловые установки»: «Достоевский <...> мыслил не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами. Каждую мысль он стремился воспринять и сформулировать так, чтобы в ней выразился и зазвучал весь человек и *implicite* все его мировоззрение от альфа до омеги. Только такую мысль, сжимающую в себе цельную духовную установку, Достоевский делал элементом своего мировоззрения» (Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского).

«Участное» сознание Достоевского уникально тем, что Слово о Пушкине было пережито «здесь» и «теперь», когда среди «полифонии» голосов обозначился новый момент в истории нашего самосознания. Достоевский подчеркнул: «Да, в появлении его (Пушкина) заключалось для нас русских нечто, бесспорно, пророческое». Речь идет об онтологической причастности и верности отечественному духу; личное осознание истины сопрягается здесь с кафолическим преображением. Эта реальность – универсальная «Всеотзывчивость» Пушкина и, одновременно, коренная ее принадлежность к русской духовности явила себя «здесь» и «теперь».

Пушкинская речь Достоевского стала откровением для русской культуры, указавшим пути ее возможного внутреннего синтеза. Согласно Бахтину, «важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию. Отрыв, отъединение, замыкание <...> основная причина потери самого себя. Культурное «пограничье» происходит на пороге своего и чужого сознания, диалогизованно, каждое внутреннее переживание оказывается на границе и встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность» (Бахтин М. Работы 20-х годов).

Для Достоевского в момент произнесения речи важно было убедить всех слушателей, что Пушкин нашел в народе нашем «красоту этих типов в их правде, правде бесспорной и осознательной, так что отрицать их уже нельзя».

Достоевский в своей речи показал универсализм Пушкина. В нем как «центре» все пространственно-временные и содержательно-смыс-

ловые ценности дают конкретную возможность снятия вообще проблемы противостояния «славянофильства» и «западничества»; через утверждение «своего» единственного места в истории человечества открывается подход к Единству Мира.

Участное сознание Достоевского, «поступок – мысль» и «поступок – чувство», действительно ориентированы, придвинуты в Пушкинской речи к последним краям бытия – события: «Но, однако же, вот явилась душа, вместившая все духи и гении мира, не внешне, а органически, как бы свое родное – это уже есть пророчество, и указание» (Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 30 т. Л.-М. 1984. Т.26. С.217). В Пушкине Достоевский открыл «сильный ум и великодушное сердце», открыл в нем личность и саморазвивающую логику этой личности, которая занимает позицию и принимает решения по самым последним вопросам мироздания.

Пушкинская речь Достоевского есть выражение глубокого понимания, видение живого смысла переживания внутренне осмысленного, так сказать, самоосмысленного явления. Это – Философия выражения, которое понимается как поле встречи двух сознаний. «Пушкинская Речь» стала свидетельством, результатом откровения этого понимания. Пушкин для Достоевского – это ответственно переживаемый факт собственной жизни, судьбы России и ее культуры: «И что нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру, что русская душа, что гений русского народа <...> наиболее способны <...> вместить в себя идею всечеловеческого единения, что не экономическая черта и не какая другая при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединяющим духом народным была спасена Россия» (Там же. С. 131–132).

«Это был опыт синтеза и конгениальности», по верному замечанию Р. Гальцевой, «русской философии пушкинскому мирозерцанию, что вполне естественно, поскольку философская мысль явилась на свет как преемница традиций и культурного дела русской классической литературы. У истоков «золотого века» русской литературы стоял Пушкин, а философии – Владимир Соловьев. Два универсальных творца, в чьем слове заключается пророческое указание русской культуры на Всеотзывчивость и Примирение».

Русская философская мысль близка человеческому миру литературы: она занята не отвлеченными проблемами: «критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения». Русская философия и литература, не потерявшая своей связи с бытием, – это экзистенциальная метафизика, это слово, весть о судьбе человека перед лицом высшего смысла и вечных ценностей – Истины, Добра и Красоты.

Идеал Пушкина в речи Достоевского – это идеал русский и Всечеловеческий. Он требует не только единения всех людей, но, главное, человеческого их единения: дело не в единстве, а в свободном согласии на единство.